

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-171-185>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. С. В. Федотова
г. Москва, Россия

ВОСПОМИНАНИЕ С ОТБРОШЕННЫМ КЛЮЧОМ: ЧУКОВСКИЙ О МЕРЕЖКОВСКИХ

Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН
за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003)

Аннотация: В статье рассматривается поздняя дневниковая запись К. Чуковского о Мережковских (1968). На основе критического анализа существующих интерпретаций этого фрагмента выдвигается полемически заостренная гипотеза о том, что краткость и парадоксальность записи соответствует жанру и структуре литературно-абсурдистского анекдота, смысл которого остается скрытым от читателя. Правомерность предложенной дефиниции — «воспоминание с отброшенным ключом» — доказывается путем реконструкции биографического, историко-литературного и ценностно-смыслового контекста диалога о Репине и Блоке, идентифицированных Мережковскими как «молдаване». Детально анализируется личное и творческое взаимодействие Чуковского с Мережковскими до и после революции 1917 г.; выясняется, что смысл отождествления Мережковскими Репина и Блока с «молдаванами» в «анекдоте» Чуковского имеет двойственную временную природу: в случае Репина актуализируются события 1900–1910 гг.; случай Блока ретроспективно осмысливается из точки идеологического разрыва Мережковских с автором поэмы «Двенадцать». Вывод исследования заключается в том, что «воспоминание» Чуковского имеет компрессионный и постановочный характер: в нем наслаиваются разновременные события, репрезентирующие в форме этнического анекдота (само)противопоставление Мережковских и Репина, Блока, Чуковского, за которым скрываются важнейшие для Чуковского проблемы социокультурной самоидентификации, психологии творчества и личности, эстетики и философии жизни.

Ключевые слова: К. Чуковский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, И. Репин, А. Блок, дневник, воспоминание, литературный анекдот, культура, варварство, газетная полемика, историко-литературные отношения.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, доцент, Институт мировой литературы Российской академии наук им. А. М. Горького, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: luica-th@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 05.05.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Федотова С. В. Воспоминание с отброшенным ключом: Чуковский о Мережковском // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 171–185. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-171-185>

1

В дневнике Корнея Ивановича Чуковского имеется серия мемуарных набросков, начатая в марте 1968 г., под названием «Больничные записки: **Что вспомнилось, или Собачья чушь** (писано в больнице при высокой температуре)» (все графические акценты заголовка принадлежат мемуаристу). Среди разных по объему фрагментов встречаем любопытную запись под номером 7, которая по сути является единственным воспоминанием Чуковского о чете Мережковских, своего рода кодой к их давнишним — очень непростым — творческим и личностным взаимоотношениям. Именно в таком ракурсе эта запись представляет исключительный интерес:

Мережковский однажды изрек:

— Люди разделяются на умных, глупых и молдаван. Репин — молдаванин.

— И Блок тоже! — громко крикнула из другой комнаты З. Н. Гиппиус.

В ту минуту мне показалось, что я их понял [15, т. 13, с. 460].

При всей своей краткости этот фрагмент имеет четкую композиционную и сюжетную структуру, за которой мерцает многослойный смысл, но какой именно — сразу не понятно. Перефразируя известную формулу М. Гаспарова¹, можно сказать, что перед нами воспоминание с отброшенным ключом. С точки зрения композиции, здесь два «предмета» воспоминания: с одной стороны, это сценка с участием трех персонажей, в центре которой — изречение Мережковского абсурдистского характера, с другой — рефлексивная передача этой сценки рассказчиком. Последняя, в свою очередь, имеет два хронологических уровня — «прозрение» Чуковского, непосредственного участника коммуникативной ситуации в прошлом, и ретроспективное (пере)осмысление этого эпизода в настоящем. При этом все узловые (содержательные) элементы текста далеки от однозначности: что имели в виду Мережковские и что понял Чуковский («тогда» и «сейчас»), остается в зоне подразумеваемого. На поверхности же мы видим классическую сюжетную структуру: есть экспозиция («однажды...»), завязка интриги (сентенция Мережковского), развертывание действия с неясным смысловым завершением (идентификация Репина и Блока как «молдаван») и, наконец, эффектная неожиданная развязка («озарение» Чуковского, смысл которого остается нераскрытым).

Более того, ту же структуру в свернутом виде можно обнаружить уже в реплике Мережковского. Она также основана на определенном сюжете, который заключается в нарушении логической цепочки. К словам из одного понятийного ряда («умные, глупые») присоединяется — как бы на равных правах — понятие из другого ряда («молдаване»), что приводит к своеобразному смысловому взрыву, аналогичному пуанту абсурдистского анекдота. Фактически это матрица, в которую могут быть вставлены любые переменные, к примеру: *было у отца три сына, двое умных, а третий футболист*. Поскольку ключевой элемент, задающий двусмысленность интерпретации, свя-

¹ Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...» — стихотворение с отброшенным ключом [3, с. 212–221].

зан с «молдаванами», получается — на первый взгляд, — что Чуковский вспоминает, как Мережковские в его присутствии обыграли анекдот об этнических стереотипах, который строится на универсальной оппозиции «свой» — «чужой».

Именно эти два аспекта (абсурдизм и этническая принадлежность) по отдельности встречаются в некоторых версиях прочтения интересующего нас фрагмента. Так, Гаспаров в «Записях и выписках» приводит его под рубрикой «Логика» в несколько измененном виде: «Мережковский *сказал*: “Люди делятся на умных, глупых и молдаванов; *ваш* Репин — молдаван”. Гиппиус из соседней комнаты крикнула: “И Блок тоже молдаван!” *Самое замечательное*: “В ту минуту мне показалось, что я их понял”» [4, с. 34].

Выделенные нами курсивом отклонения от исходного текста весьма показательны. Обмен репликами передается через прямую речь (в подбор, без абзацного отступа), что снижает его «сценичность». Замена глагола «изрек» на «сказал», как и пропуск обстоятельства времени «однажды» и образа действия «громко» (крикнула), нейтрализует в первом случае — насмешливую оценку манеры Мережковского, во втором — «жизненность» ситуации, переводя ее в разряд паралогической задачи. Вставка фразы «от себя» перед резюмирующими словами автора говорит о том, что для Гаспарова «самое замечательное» состоит в способности Чуковского мгновенно понять абсурдистскую логику высказывания.

Если перевести на формальный язык интерполяцию «ваш» (Репин), то, по Гаспарову, Чуковский улавливает, что из двух непересекающихся множеств — «умных-и-глупых» и «молдаван» — Мережковские включают его во второе, в то время как сами, естественно, относят себя к первому. Но, поскольку Чуковский «их понял», он парадоксальным образом оказывается пронизательнее «умных», выстроивших эту алогичную конфигурацию, что и восхищает ученого-стиховеда. Однако нельзя не заметить, что, хотя в гаспаровском изводе запись отчасти объясняется местоимением-подсказкой, в целом она все же сохраняет герметичность логической загадки. По каким признакам в класс «молдаван» входят Репин, Блок, а вместе с ними и Чуковский, остается неизвестным. В итоге ответ на вопрос, что именно понял последний, не артикулируется.

Напротив, именно его пытается дешифровать С. Дудаков, прочитывая «анекдот» исключительно в этническом ключе. У этого автора обсуждаемый текст цитируется без изменений, но помещается внутри двойных скобок (графических и лексических). Функция такого выделения, вероятно — в усиленном «подмигивании» читателю: «удивительное воспоминание» Чуковского выступает доказательством «еврейства» И. Репина. «Что же понял Корней Иванович?» — заостряет вопрос Дудаков и находит ответ в следующем фрагменте «Собачьей чуши», где речь идет о причине отказа редакции «Литературной газеты» печатать рецензию Чуковского на книгу М. Копшицера под предлогом: «Это не наш профиль». Каламбурная реакция мемуариста («Тут виноват не ваш профиль, а профиль Копшицера») комментируется Дудаковым в том же духе: «Кажется, “профили” Репина, Блока и Копшицера совпадают <...> и если бы “они” знали о настоящем профиле самого Чуковского...» [7, с. 77–78]. Из этого пассажа следует, что Чуковский понял антисемитский подтекст параболы Мережковских, что не кажется нам убедительным.

При этом и Гаспаров, и Дудаков игнорируют самый важный момент — *литературность* воспоминания Чуковского. Мемуарные фрагменты «Что вспомнилось» изначально были ориентированы на дальнейшую публикацию под уже апробирован-

ной жанровой рубрикой². После выписки Чуковского из больницы мемуарные наброски были перепечатаны; этот машинописный экземпляр писатель «правил заново», — и именно этот, «не первоначальный, а исправленный автором текст набросков» был включен Е. Чуковской в посмертное издание дневника деда [15, т. 13, с. 578].

По существу, тройной заголовочный комплекс воспоминаний (в том числе и приемы шрифтового выделения текста) уже носит игровой характер, задавая определенные жанровые ожидания у потенциальных читателей. Обозначенные «условия игры» («собачья чушь», «высокая температура»), педалируя спонтанность и «бредовость» «письма» 86-летнего писателя, предостерегают от попыток буквального или наивного прочтения. Известно, что многочисленные воспоминания Чуковского тяготеют к художественной, а не фактической точности, что предполагает создание мемуарного портрета с выделением доминанты личности героя, его характерных черт, наиболее значимых для повествователя. В связи с этим правомерно задаться вопросом не только о том, *что* вспомнилось завершающему свой жизненный путь Чуковскому о Мережковских, но и о том, *почему* он оформил свое воспоминание в жанре литературного, историко-биографического анекдота, причем двойного — анекдота в анекдоте.

Для начала попробуем реконструировать биографический и историко-литературный контекст диалога Мережковских, а затем попытаемся разгадать, что же понял Чуковский в «ту минуту».

2

Гипотетически диалог Мережковских мог произойти в период личного сближения молодого критика со знаменитой четой писателей-богоискателей, когда Мережковские находились в сильной позиции — старших и авторитетных «учителей» (муж «изрекает», жена уверенно вторит ему, внося свое уточнение), а Чуковский — в статусе «ученика» (он молчит), при этом как будто отчасти «провинившегося» своим отношением к Репину. Думается, что наиболее подходящей хронологической привязкой является конец 1910 г.

В пользу этого предположения приведем некоторые факты. К этому моменту между Мережковскими и Чуковским наладились своеобразные дружеские связи. Их личное знакомство произошло после возвращения «троебратственного» союза из первой парижской эмиграции, где Д. Мережковский, З. Гиппиус и Д. Философов пробыли два с половиной года (с 25 февраля 1906 г. по 12 июля 1908 г.). Очной встрече предшествовала интенсивная переписка, инициированная Чуковским в декабре 1907 г. Именно она дает представление о том, как складывались отношения между быстро набирающим популярность критиком-фельетонистом, постоянном сотруднике газеты «Речь» и корреспондента многих других периодических изданий, и парижскими «отшельниками», которые стремились вернуть себе трибуну для религиозно-общественной проповеди в России и потому были заинтересованы в поисках единомышленников или хотя бы временных союзников. Эта дружба строилась по модели, соблюдающей status quo всех участников — мэтров и новичка на литературном поле, учителей и ученика, старших и младшего (подробнее см.: [12, с. 34–48]).

В дневнике Чуковского зафиксированы всего две дореволюционные встречи с Мережковскими. Обе характерны. 30 апреля 1909 г.: «У Мережковских: читал свою статью о Гаршине: слезы. До чего я изнервничался. <...> Раньше я написал ее для

² Ср. записи от 4 декабря 1964 г.: «...исправил корректуру “Что вспомнилось”, которую перекожевала редакция “Лит. России”»; от 7 декабря: «В “Литературной России” идут мои записи “Что вспомнилось”» [15, т. 13, с. 396–397].

себя, — прочитал Мережковским, оказалось: слабовата» [15, т. 11, с. 154–155]. 5 октября 1910 г.: «У Мережковских — ревел, обедал...» [15, т. 11, с. 165]. Несомненно, под прямым воздействием Мережковских Чуковский в начале 1910 г. дважды выступил с совершенно несвойственной ему религиозной тематикой: 7 февраля он читает доклад «Чехов и христианство» (Мир. 1910. № 5) и 9 марта в Религиозно-философском обществе — «К вопросу о демократической религии». Однако религиозно просветительская критика Мережковским явно не удалось, и в дальнейшем, вплоть до революции, их отношения почти сходят на нет. Показательно, что в марте 1914 г. Чуковский собирается выступить с разоблачительной лекцией «Тайна Мережковского»: «Это должно быть вкрадчивое и любезное уничтожение нашего деревянного Мити», — пишет он Л. Андрееву [15, т. 14, с. 335].

Второй аргумент в пользу датировки воспоминания Чуковского связан с тем, что именно в 1910 г. развернулась бурная газетная полемика вокруг публикации письма И. Репина «Критикам искусства» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1910. 2 (15 марта)). Художник в резкой форме выступил против картины К. Петрова-Водкина «Сон» и ее сочувственной оценки А. Бенуа, своего давнего оппонента-«мирискусника». Репин обозвал Петрова-Водкина «неучем», «безграмотным рабом» «недоучек» Гогена и Матисса. Бенуа в свою очередь публично обвинил Репина в эстетической слепоте и культурной ограниченности: «Весь его выпад на Водкина есть следствие некультурности и узости» (Речь. 1910. 5 (18) марта). В том же номере газеты помещена недоумевающая реплика Петрова-Водкина «По поводу письма проф. Репина». В поддержку Бенуа выступил также С. Маковский: «...недостаток вкуса, культуры вовсе не обесценивает, в наших глазах, Репина — бесспорного мастера, обладающего могучим темпераментом, трудолюбием, искренностью, иногда — вдохновенного. Дело — не в этом, а в том, что Репин, оставаясь даровитым художником, критик — “никакой”», потому что им руководит «пристрастное невежество» (Аполлон. 1910. № 6, март).

Чуковский в статье «Репин и Бенуа» (Речь. 1910. 2 (15) апр.) грудью встал на защиту Репина как национального гения, стихийного творца подлинной красоты, и противопоставил ему Бенуа как «знатного иностранца», «гурмана», культивирующего декоративность и изящество — словом, красоту, чуждую русской культуре. Тем самым полемика была смещена в другую плоскость, уходя от обсуждения грубых нападок Репина на Петрова-Водкина, вызвавших общественное возмущение.

В ответ Бенуа не только признал свой портрет в изображении Чуковского фактически неверным, но и объяснил промахи критика прямым влиянием его «учителя» Репина, который гоняется «за недоступной его культуре психологией, путается в ней и, наконец, сводит все на свой маленький провинциальный масштаб» (Речь. 1910. 6 (13) апр.). Наконец, через месяц Д. Философов, подводя итог газетным баталиям, решительно встал на сторону Бенуа, утверждая, что Репина как критика «просто не существует», он «самоучка», «тенденциозный передвижник», «непосредственный, стихийный талант которого затемняет зрение, не дает видеть современность» (Речь. 1910. 9 (22) мая. № 125).

Таким образом, Чуковский в этой полемике выступил чуть ли не единственным союзником Репина и даже прямо был назван его «учеником»³. «Непростой подтекст» статьи «Репин и Бенуа» — личная дружба Чуковского с Репиным, соседом в Куоккале,

³ Ср. упреки В. Брюсова Чуковскому: «Как Вы, у которого какое-то “верхнее чутье” для всего пошлого в литературе, не чувствуете чудовищной пошлости в полотнах Репина! Сколько ее надо, чтобы написать “Какой простор”! Репин — это Леонид Андреев в живописи». Чуковский отвечает в письме от 10 (23) апреля 1910 г.: «Относительно Репина: мне страшно с ним расстаться» [15, т. 14, с. 221].

талант которого он по-настоящему любил и почитал — рассмотрен Е. Ивановой [15, т. 7, с. 663–665]. Заострим только один момент: с марта до зимы 1910 г. художник работал над портретом молодого критика, посещал его лекции, читал его статьи и т. д. Вспоминая об этом периоде много позже, Чуковский назовет его «медовым месяцем» отношений с Репиным, «никогда уже не повторявшимся снова» [15, т. 14, с. 413–421].

Мережковские, уехавшие за границу в начале марта 1910 г., не участвовали в развернувшейся дискуссии. Однако, несомненно, она была им известна. Об этом, в частности, говорит большое письмо Д. Философова от 8 (21) апреля 1910 г.⁴, который, в отличие от З. Гиппиус и Д. Мережковского, продолжал поддерживать эпистолярную связь с Чуковским. Все письмо посвящено анализу газетной полемики о Репине. «Сначала прочел, конечно, Вас. И сказал: до чего он прав. Потом прочел Бенуа: “и он прав”. Потом отложил газету: “Оба неправы”».

Согласно Философому, спор между Бенуа и Чуковским «страшно нужный, важный, интересный, затрагивающий массу вопросов самых кардинальных». Правда первого в том, что он защищает высокую культуру от «гносного» русского хамства, от «нутряной» дикости самобытных гениев, которые «творят культуру». «Конечно, и Репину, и Шаляпину, простишь их хамство, ради их таланта. И неужели же Вы думаете, что Бенуа не ценит их? Но, конечно, было бы лучше, чтоб эти “таланты” от хамства избавились, потому что они плодят миллионы маленьких Шаляпиных и Репиных, бездарных, но наслаждающихся своим хамством, потому что они творят только “нутром”, то есть выявляют то, что им дано от Бога, не стараясь свое нутро облечь в достойные формы».

Правда второго оппонента — «подлинный демократизм», которому Философов не может найти определение: «Это не кающийся интеллигент или дворянин, вообще не сентиментальность, а органическое нечто». Демократизмом же оправдываются нападки «на салонное эстетство, на иностранщину», презирающих непосредственность, стихийность русского народа и его национальных гениев. Да, надо нападать «на иностранщину Бенуа», — соглашается Философов, — но не во имя обывательщины, Чеховщины». По его мнению, «Репин, конечно, виноват», и публично затеянная полемика, несмотря на ее принципиальную важность, вредна, потому что у обоих диспутантов нет определенной цели: «...вы оба никуда не ведете. Ваш спор созерцательный, а не волевой, если же в нем есть воля, то воля в конце концов “пассивная”, т. е. вы отстаиваете обывательщину *русскую*, а Бенуа — *французскую*».

Тема «обывательщины», или мещанства, да еще в связке с именем Чехова, в ракурсе которой Философов рассматривает полемику о Репине и обвиняет Чуковского в том, что он по существу защищает *хамство* — отсылает к концепции Мережковского о *Грядущем Хаме* и в целом вписывается в систему идей об ответственной роли интеллигенции (*разума и совести народа*) в радикальном революционно-религиозном преобразовании русского общества, разделяемую всеми участниками «троебратственного союза». Показательна концовка письма, подчеркивающая общность Чуковского и Репина — в противовес позиции Бенуа: «У Бенуа правда буржуазии. <...> Демократизма в нем ни на грош. Но зато нет и опасности “хулиганства”. Это человек традиций. У Вас же традиций нет. Мир начался вместе с Вами. Существует он лишь поскольку Вы им овладели, покорили его себе “под ноzi”. У Вас нет даже “интеллигентских” традиций. Вы “конквистадор”».

⁴ Сохранилось 22 письма Философова к Чуковскому, написанные в 1908–1919 гг.; см. указанное письмо и комментарии к нему в: [2, с. 427–435].

Послание Философова и последовавшая за ним статья, упоминаемая выше, во многом проясняет психолого-биографический и историко-литературный контекст абсурдистской сентенции Мережковского. Репин, самоучка, с его чудачествами гения, эмоциональной импульсивностью и бесцеремонностью суждений, с точки зрения рациональных дихотомий Мережковского, не был *ни умным и ни глупым*, а просто *иным*, не вписывающимся в представления о культурности — и в этом смысле воплощал собой стихийно-иррациональное «варварское» начало (чреватое русским хамством). (Заметим в скобках, что в поздних воспоминаниях Чуковский будет восхищаться «пластическим, свежим, выразительным и самобытным» языком мемуаров Репина «Далекое близкое», написанных ярко, «варварски дико», «по-скифски» [15, т. 4, с. 483]). В то же время тезис Философова о том, что Репину «непосредственный, стихийный талант затемняет зрение, не дает видеть современность», выдвигает на первый план тему мировоззренческой слепоты, которая прочитывается как непонимание художником сложных процессов культурной и — в логике Мережковских — религиозно-общественной жизни.

Обозначение этой *инаковости* этнонимом «молдаванин» можно пунктирно связать с погружением Мережковского в работу над романом «Александр I» (1909–1911). Одна из сюжетных линий развивается в Бессарабии, где стоит русская армия и созревает заговор Южного общества декабристов. Писателю, прославившемуся детальнейшим изучением источников об эпохе и месте действия его исторических романов⁵, явно были известны рассказы просвещенных путешественников о нецивилизованной жизни окраинных земель, исторически связанных с древними кочевниками причерноморских степей — скифами и сарматами. Особая пикантность сентенции Мережковского была в том, что она не исключала и этнических намеков: Репин был южанином из Харьковской губернии, как и Чуковский, выросший в Одессе.

Однако загадочная реплика Гиппиус, которая присоединяет к «молдаванам» Блока, сигнализирует о том, что соль диалога Мережковских, «вспомненного» поздним Чуковским, была в другом. Если ни с этнической, ни с социальной стороны нельзя объединить Репина и Блока в группу, противоположную Мережковским, то остается только одна зона пересечения — тип творческой личности: оба они прежде всего художники, а не мыслители, интуитивисты, а не рационалисты — и именно поэтому, с точки зрения схоластического разума, часто слепые, ничего *не понимающие*.

Сложные отношения Блока с Мережковскими детально изучены [11]. Особую роль в этом сюжете играла Зинаида Гиппиус — и не случайно реплика о Блоке принадлежит именно ей. Она же на протяжении всех лет знакомства выстраивала миф о гениальном поэте-ребенке, всегда незрелом, неразумном и безответственном — в итоге *потерянном* [10, с. 159–162]. Интересно, что в мемуарах «Мой лунный друг» (1922) есть высказывание, почти точно соответствующее абсурдистской реплике Мережковского о Репине: «Своеобразность Блока мешает определять его обычными словами. Сказать, что он был умен, так же неверно, как вопиюще неверно сказать, что он был глуп. <...> все в нем было своеобразно, угловато, — и неожиданно» [6, т. 6, с. 24]. Вспомним еще настойчиво проводимую мысль о том, что Блок «*ничего не понимает*», что с ним всегда надо было говорить «особым языком — около слов» [6, т. 6, с. 13, 19]. И получим чистую формулу инаковости: *кто не с нами, тот против нас*.

⁵ Ср., например, обращенную к М. Гершензону просьбу Мережковского помочь в сборе *интимного и личного* материала об эпохе Александра I и декабристов: «Вы сами угадаете, что мне нужно: те мемуары, письма, документы, которые дают самую внутреннюю, неофициальную сторону эпохи. Словом — “анекдоты” — в глубоком смысле...» (цит. по: [13, с. 265–266]).

Но нет ли здесь анахронизма? «Мой лунный друг» написан после смерти поэта. Спрашивается, какое отношение приведенные высказывания имеют к концу 1910 г., когда, по нашему предположению, Чуковский мог услышать диалог Мережковских. На это можно ответить следующее.

Во-первых, имя поэта-символиста в связке с «молдавностью» могло всплыть в контексте очередного (пока еще не окончательного) разрыва Блока и Мережковского осенью 1910 г. из-за фельетона последнего «Балаган и трагедия» (Русское слово. 1910. № 211. 14 сент.)⁶.

Во-вторых, гораздо более обоснованным подтекстом фразы Гиппиус выглядит не этот конфликт, в котором она напрямую не принимала участия, а одна из сквозных идей писательницы о тонкой грани между «детскостью», мировоззренческой незрелостью, безответственностью декадентов новейшей формации и культурно-общественным одичанием. Еще в 1904 г., правда, по другому поводу Гиппиус пишет о том, что «страшна беззаботность, непонимание варварское... или детское» [6, т. 7, с. 236]. В дальнейшем эта мысль будет только варьироваться, не меняясь по сути. В статье «Декадентство и общественность» (Весы. 1906. № 5) (за подписью Мережковского)⁷ Гиппиус заметит, что «настоящий, цельный декадент, “от чрева матерного” — воистину “дитя природы”», и Блок нежнейший из них [6, т. 7, с. 137]. В «Трихине» (Весы. 1907. № 5) она недоумевает, отчего «Блок, этот талантливый, цельный, всегда очень благородный поэт», непонятно зачем, «пишет в “Перевале” свои детские, несчастненькие статьи о “Михаил Бакуanine”», «ничего ни в какой общественности не понимая» [6, т. 7, с. 258–259]. В 1916 г. за трактовку судьбы Аполлона Григорьева, построенную, согласно Гиппиус, на такой «слепоте, до детскости, к истории, к смыслу ее», которая «даже изумляет, как что-то исключительное» — поэту выносится вердикт: «Виновен, и не заслуживает снисхожденья» [6, т. 7, с. 465].

В революционных же дневниках трещины прежних разногласий разверзаются пропастью. Ср. рассуждения о «потерянных детях», Блоке и Белом, с характерным замечанием: «...много у нас этих самородков!» [6, т. 8, с. 318]. В записи от 11 января 1918-го, анафематствующей «первеньких, тепленьких» интеллигентов-перебежчиков, Гиппиус составляет «заупокойный» список, где вновь повторяет: «Александр Блок — поэт, “потерянное дитя”...», которого — «совсем “невинного”» — больше всего жаль [6, т. 8, с. 378–379]. Показательно, что в этом же списке есть и аполитичный Чуковский, который сразу проявил лояльность к советской власти, участвовал во многих литературных и культурных начинаниях той смутной эпохи, и на этой ниве, как хорошо известно, подружился с Блоком. Чуковскому Гиппиус дает аттестацию, сближающую и в то же время размежевающую его с поэтом: «...литературный критик, довольно даровитый, но не серьезный, вечно невзрослый, он не “потерянное дитя”, скорее из породы “милых, но погибших созданий”, в сущности невинный, никаких убеждений органически иметь не может» [6, т. 8, с. 378–379].

Непримиримая ненависть к «перебежчикам, которых «делается все больше», выливается в приравнивание интеллигентов к победившим «варварам»: «Худых людей во всякой стране много, но такой “нелюди”, такого варварства — нигде, конечно, нет» [6, т. 8, с. 382]. Этот приговор падет на головы тех, кто сознательно перешел на сторону *воцарившегося Хама* — Блока, Есенина и Бенуа. В фельетоне «Люди и нелюди»

⁶ Подробнее об этом конфликте см.: [11, с. 180–186].

⁷ Статья вошла в состав сборника Антона Крайнего «Литературный дневник (1899–1907)» (СПб.: М. В. Пирожков, 1908).

о них сказано: «Они не ответственны. Они — не люди» (Новые ведомости. 1918. № 43. 10 апр.). «А З. Гиппиус меня и за человека не считает», — отметит Блок 13 апреля [1, с. 399].

Надо признать, что схематично прочерченная экспонента отношения Гиппиус к Блоку расшатывает нашу гипотезу о локализации воспоминания Чуковского в конце 1910 г., расширяя его верхнюю границу чуть ли не до конца 1919 г., когда Мережковские бежали из России. Более того, становится очевидным, что смысл отождествления Блока с «молдаванами» максимально проявляется в ретроспекции — из точки полного и окончательного разрыва после революции. Возникает вопрос, а не мог ли анекдот о молдаванах прозвучать в послереволюционные годы? Ведь в дневнике Чуковского этих лет зафиксированы частые встречи с Мережковскими. Рассмотрим и эту возможность.

Первая — после семилетнего перерыва — запись о посещении Мережковских появляется 21 февраля 1917 г., и она подтверждает, что личного общения давно не было. «Сейчас от Мережковских. Не могу забыть их собачьи голодные лица. У них план: взять в свои руки “Ниву”. Я ничего этого не знал. <...> Стали спрашивать обо мне и, конечно, о моих делах. Меня изумило: что за такой внезапный ко мне интерес?». Дальше описывается своего рода «прозрение» в замысел Мережковских, но оно не представляет никакой загадки: «...я увидел, что разыграл дурака, что это давно лелеемый план, что затем меня и звали, что на меня и на “Крокодила” им плевать, что все это у них прорепетировано заранее, — и меня просто затошнило от отвращения, как будто я присутствую при чем-то неприличном» [15, т. 11, с. 202–203].

Почти все дальнейшие характеристики Мережковского даются в сниженно-бытовом ключе: он ведет себя «как старая баба», «демонстративно обывательски», «готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто» [15, т. 11, с. 238, 239, 254] и т. д. Эти портретные и поведенческие штрихи совершенно несовместимы с началом воспоминания («Мережковский однажды изрек»). Здесь он уже не изрекает, не проповедует как власть имеющий, а предстает одновременно жалким и хватким, прагматичным до цинизма — «бойким богоносцем» [15, т. 11, с. 280].

Кроме того, трудно представить, что Мережковские после революции были расположены к шуткам. Гибель России, голод, безденежье, бытовая разруха, злость и отчаяние в дневниках Гиппиус — неподходящие декорации для паралогической загадки о Репине, который остался в Финляндии после закрытия границы зимой 1917 г., и о Блоке, которому Мережковские объявили бойкот после «Двенадцати». Объединение же в одну группу («молдаван») художника, который в картине «Большевики» (1918) изобразил звериный оскал пьяных солдат-большевиков, отнимающих хлеб у ребенка, и поэта, воспевшего *музыку революции*, выглядит в новых условиях еще менее вероятным.

И тем не менее точка пересечения есть. В мемуарах о Блоке Гиппиус вспоминает, что «Двенадцать» и стихотворение «Скифы» вышли в издательстве «Скифы» Иванова-Разумника, хотя это не совсем точно⁸. В сознании мемуаристки понятия «варвары», «скифы», «нелюди», «хамы», очевидно, были почти синонимичны. Ср. статью Философова «Скифы» (Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86)), где это тождество предельно обнажено: «Пусть наши “мужички” воистину “скифы”. Но их “скифство”

⁸ Впервые поэма была опубликована в газете «Знамя труда» (1918. 3 марта), правда, также связанной с идеологом «скифства» Р. В. Ивановым-Разумником, перепечатана в журнале «Наш путь» (№ 1), и только затем вышла отдельным изданием (Пг.: Скифы, 1918).

сродни интеллигентскому варварству. Александр Блок мог бы это доказать очень убедительно, со ссылками на такого “культурника”, как Иванов-Разумник. Вероятно, и Корней Чуковский, снабдив свою статью “послесловием Луначарского”, сказал бы много остроумного о живительности “разрушения”⁹. В апреле 1919 г. Гиппиус передает Блоку стихи, озаглавленные «Б. рыцарю Прекрасной Дамы»:

Впереди 12-ти не шел Христос:
Так мне сказали сами хамы.
Но зато в Кронштадте пьяный матрос
Танцевал польку с Прекрасной Дамой...

В ответных стихах Блока, надписанных на книжке «Катилина», предназначенной (но не отосланной) Гиппиус, имеются важные строки:

...И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

По существу, эти слова декодируют смысл алогичных реплик Мережковских, записанных старым Чуковским. Здесь те же самые структурные компоненты: противопоставление двух разновеликих групп — единичных «умных» и бесчисленных «хамов» (*не умных и не глупых*, а просто за пределами чужих); высокомерно-презрительное отношение первых ко вторым; наконец, назван даже жанр, который лаконично выражает это отношение — анекдот.

3

Реконструкция биографического и историко-литературного контекста анекдота о «молдаванах» приводит нас к проблеме «ценностно-смыслового контекста автора» (по выражению М. Бахтина). Только на этом уровне можно говорить о том, что понял Чуковский о Мережковских в «ту минуту». Из логики заключительного предложения анализируемой записи следует, что Чуковскому, услышавшему диалог о молдаванах, именно в этот момент вдруг стала понятна та общая для Мережковских установка сознания, которая разделяет «недоступной чертой» их, образованнейших, культурнейших писателей-идеологов, и всех *иных* — в любых отношениях (культурном, социальном, мировоззренческом, творческом и т. д.). Получается, что раньше Чуковский этого не видел, а тут прозрел, понял самое главное в Мережковских — их любовь к собственным культурным схемам и высокомерную нелюбовь к другим «человекам», их душевную глухоту, нечуткость, скрываемую за высокой риторикой, религиозными и историософскими принципами. Выходит, что это прозрение — благодаря услышанному анекдоту — кардинально изменило его оценку Мережковских. Однако так ли это?

Стоит напомнить, что еще до начала личного, в том числе эпистолярного, знакомства осенью 1907 г. Чуковский параллельно работает над двумя статьями, которые одна за другой появляются на страницах газеты «Речь», — «И. Е. Репин» (№ 237, 7 (20) окт.) и «О Мережковском» (№ 243, 14 (27) окт.). В первой из них феномен Репина рассматривается в категориях Мережковского, в частности, для утверждения центрального тезиса привлекается цитата из «Л. Толстого и Достоевского»: у Репина, «как и у Толстого, стихийная воля таланта противоречит сознательной воле». Во второй же — автор трилогии

⁹ Благодарю А. А. Холикова за указание на эту статью.

«Христос и Антихрист» (1906) сам становится предметом анализа, а его собственная дихотомия — «тайновидец плоти» (Толстой) и «тайновидец духа» (Достоевский) — пародийно дополняется третьей формулой, определяющей творческую личность самого Мережковского. «Тайновидцем вещи» называет его Чуковский, подразумевая «сверхкультурность» писателя, обилие вещей и цитат (тех же «вещей») в его схематично выстроенном художественном мире, при полном неумении изобразить живую душу героя. Репин и Мережковский как художники, таким образом, сразу оказываются для критика по разные стороны баррикады: с одной стороны — талант жизненно-стихийный, лиричный, душевный, с другой — гиперкультурный, тенденциозно-идеологический, схематично-симметричный. Симпатии Чуковского, несомненно, на стороне Репина, но и ироничные оценки Мережковского далеко не однозначны. «Мережковский становится истинным виртуозом, тонким и богатым художником только тогда, когда он рассматривает человека сквозь наложение созданных человеком вещей — религии, языка, литературы, искусства» [15, т. 6, с. 146].

Добавим еще, что статья начинается с полемического обыгрывания цитаты Антона Крайнего о «чаде некультурности», висящем над русской словесностью. Эти слова переформулируются критиком в тему «незаконнорожденных гениев нашего времени, без предков и без наследства», «духовных босяков» (с отсылкой к «Грядущему Хаму»), на фоне которых одиноким «зубром» выглядит «культурнейший» Мережковский [15, т. 6, с. 140–141]. Для Чуковского, с его мучительным комплексом «байструка», парии, личная подпопка такой постановки проблемы не оставляет сомнений. Об этом кричит и его дневник, и недошедшее до нас письмо к Мережковскому, положившее начало их переписке. В ответе от 29 декабря 1907 г. писатель болезненно реагирует на «самое жестокое слово» из послания молодого критика — «Но что Вам до нас, людей?» [12, с. 52].

Итак, контроверза «Репин — Мережковский» предшествовала знакомству Чуковского с последним, была выстроена на основе анализа трилогии, нацеленного на выявление «особого пункта помешательства» художника, «самой сердцевины его души» [15, т. 6, с. 29]. В этом смысле «бездушная культурность» Мережковского, уловленная критиком, предопределяла векторы понимания «анекдота», услышанного при личной встрече, так что точнее говорить не о внезапности прозрения рассказчика, а, напротив, о его предсказуемости. Неожиданность могла заключаться только в одном — в опытном подтверждении или опровержении предположения Чуковского: *о, как я угадал!* или *о, как я ошибся!* Если иметь в виду, что свою статью о Мережковском автор любил¹⁰ и в том же 1968 г., когда написана «Собачья чушь», готова к изданию том дореволюционной критики, дал ей название «Сквозь человека» [14, с. 190–201]¹¹, то вероятность ошибки очень мала.

Опережающий характер изначальной оппозиции, сконцентрированной в реплике Мережковского о Репине-«молдаванине», смещает нижнюю границу приведенного эпизода из «Собачьей чуши» как минимум к 1907 г. Реприза же Гиппиус о Блоке-«молдаванине», получающая смысловое завершение только с привлечением текстов послереволюционного времени, наоборот, разрушает верхнюю границу, делает ее чрезвычайно зыбкой, особенно если учитывать недоказуемость факта знакомства Чуковского с мемуарами Гиппиус «Мой лунный друг».

¹⁰ Такое признание см. в письме к Брюсову от 8 января 1908 г. [15, т. 14, с. 150].

¹¹ С аллюзией на слова Андрея Белого: «Мережковский смотрит сквозь человека» («Утро России», 1907). Цитата была включена в 3-е изд. книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (1908).

Все эти соображения неумолимо приводят к выводу о том, что позднее «воспоминание» о диалоге Мережковских имеет компрессионный и отчасти постановочный характер. В нем наслаиваются знаковые для рассказчика хронологически разные впечатления и события, которые важны не своей фактической стороной (хотя реальность услышанного нельзя опровергнуть), но прежде всего своей смысловой и ценностной весомостью.

За свою долгую жизнь Чуковский опубликовал целый ряд работ о Блоке и Репине: «Книга об Александре Блоке» (Берлин, 1922), «Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока)» (Л., 1924), «Илья Репин: Воспоминания» (1936), неоднократно переиздававшихся (особенно о Репине)¹². А о Мережковских — только «анекдот» о молдаванах в «Собачьей чуши», с «бредовой» мотивировкой. Разумеется, в советское время их имена долго оставались одиозными, что не могло не сказаться на селекции воспоминаний и на самоцензуре летописца эпохи в его знаменитом дневнике. Но если бы Чуковский взялся за мемуары о Мережковских, писателях с «холодным, безлюбным сердцем» [15, т. 13, с. 309], он скорее всего развивал бы сюжет, свернутый в оппозициях воспоминания с отброшенным ключом.

Так почему же Чуковский написал его в жанре литературного анекдота? Сам он как-то заметил: «Какой трудный, неблагодарный и внутренне порочный жанр искусства — анекдоты. Т. к. из них исключена поэзия, лирика, нежность — вас насильно вовлекают в пошлые отношения к людям, вещам и событиям» [15, т. 13, с. 44]. Ничего пошлого в воспоминании Чуковского нет, но нет в нем и поэзии, лирики, нежности, есть загадки и культурные оппозиции, за которыми скрываются важнейшие для Чуковского проблемы социокультурной самоидентичности, психологии творчества и личности, эстетики и философии жизни.

В парадоксально заостренной форме Чуковский обнажил наиболее характерную, по его мнению, черту Мережковских, но не прямо, не «в лоб», а опосредованно — через их (само)противопоставление гениальным художникам русской культуры, Репину и Блоку, перед которыми преклонялся всегда. Обыграв архаичную оппозицию «свой» — «чужой» в форме этнического анекдота о молдаванах (кстати, чрезвычайно распространенного как раз в СССР, а не в царской России), он профессионально задействовал доминантную эстетическую функцию этого жанра [9, с. 32].

Тем не менее в лукавой усмешке Чуковского, завершающей диалог с Мережковскими длиной в жизнь, сохранилась память о «годах ученичества» у автора «Грядущего Хама». В 1930-е гг. Лидия Гинзбург записала, что в разговоре с Чуковским для нее, «кажется, впервые вполне уяснилось, что между самой верхней и самой нижней культурой установилось правильное обратно пропорциональное отношение» [5, с. 88]. Непрост был Корней Иванович, очень непрост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.
- 2 «...буду очень к Вам требователен»: письма Дмитрия Философова к Корнею Чуковскому (1908–1919) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. С. В. Федотовой, А. Л. Соболева // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 400–455.
- 3 Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: НЛО, 1995. 480 с.
- 4 Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. 416 с.

¹² См. библиографию Чуковского по указателю [8].

- 5 Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство — СПб, 2002. 768 с.
- 6 Гиппиус З. Н. Собр. соч. М.: Русская книга, 2002. Т. 6: Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. 704 с. М.: Русская книга, 2003. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. 528 с. М.: Русская книга, 2003. Т. 8: Дневники: 1893–1919. 576 с.
- 7 Дудаков С. Ю. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. М.: РГГУ, 2000. 542 с.
- 8 Корней Иванович Чуковский. Библиографический указатель / сост. Д. А. Берман. М.: Восточная литература РАН, 1999. 468 с.
- 9 Курганов Е. Я. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2014. 264 с.
- 10 Луцевич Л. Символы и мифы мемуаристики: *Мой лунный друг* Зинаиды Гиппиус // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2012. Vol. XXXVII. P. 151–162.
- 11 Миц З. Г. Блок в полемике с Мережковскими // Ученые записки Тартуского университета. Блоковский сб. IV. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1981. С. 116–222.
- 12 Федотова С. В. «Любопытный малый»: письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к К. И. Чуковскому (1907–1920) // *Литературный факт*. 2021. № 2 (20). С. 31–81. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81>
- 13 Холиков А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.
- 14 Чуковский К. И. Собр. соч. в 6 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 6. 768 с.
- 15 Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электр., испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение / сост., и коммент. Е. Чуковской. 592 с.; Т. 6: Литературная критика (1901–1907) / предисл. и коммент. Е. Ивановой. 624 с. Т. 7: Литературная критика (1908–1915) / предисл. и коммент. Е. Ивановой. 736 с. Т. 11: Дневник 1901–1921 / предисл. В. Каверина; коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 664 с. Т. 13: Дневник (1936–1969) / коммент. Е. Чуковской. 640 с. Т. 14: Письма (1903–1925) / вступ. ст. Е. Ивановой; сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общ. ред., подгот. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. 688 с.

© 2022. Svetlana V. Fedotova
Moscow, Russia

MEMORY WITH A DISCARDED KEY:
CHUKOVSKY ABOUT THE MEREZHKOVSKYS

Acknowledgements: This work is carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No 20-18-00003).

Abstract: The study deals with a late diary entry of K. Chukovsky about the Merezhkovskys. Based on a critical analysis of the existing interpretations of this fragment, a polemically pointed hypothesis is put forward that the brevity and

paradoxicality of the recording corresponds to the genre and structure of the literary-absurdist anecdote, the meaning of which remains hidden from the reader. This allows us to consider it as a memory with the key discarded, the understanding of which requires the reconstruction of the biographical, historical-literary and value-semantic context of the dialogue about Repin and Blok, identified by Merezhkovskys as the “Moldovans”. The paper analyzes in detail personal and creative interaction of Chukovsky with Merezhkovskys before and after the revolution of 1917; it turns out that the meaning of the Merezhkovskys identification by Repin and Blok with the “Moldovans” in the “anecdote” of Chukovsky has a dual temporary nature: in the Repin’s case the events of 1900–1910 are updated; the Blok’s case of retrospectively is comprehended from the point of ideological rupture of Merezhkovskys with the author of the poem “The Twelve”. The research allows concluding that “recollection” has a compressive and staging character: it contains layers of events of different times, representing in the form of an ethnic anecdote (self-)opposition of Merezhkovskys and Repin, Blok, Chukovsky, behind which hide the most important for Chukovsky issues of socio-cultural self-identity, psychology of creativity and personality, aesthetics and philosophy of life.

Keywords: K. Chukovsky, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, D. Filosofov, I. Repin, A. Blok, diary, recollection, literary anecdote, culture, barbarism, newspaper controversy, historical and literary relations.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Received: March 09, 2021

Approved after reviewing: May 05, 2021

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Fedotova S. V. Memory with a discarded key: Chukovsky about the Merezhkovskys. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 171–185. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-171-185>

REFERENCES

- 1 Blok A. A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 663 p. (In Russian)
- 2 “...budu ochen' k Vam trebovaten”: pis'ma Dmitriia Filosofova k Korneiu Chukovskomu (1908–1919) [“...I will be Very Demanding of you”: Letters of Dmitry Filosofov to Korney Chukovsky (1908–1919)], introductory article, text preparation and comm. by S. V. Fedotovoi, A. L. Soboleva. In: *Ruskaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiya analiza* [Russian Literature and Journalism in the Pre-revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 400–455. (In Russian)
- 3 Gasparov M. L. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, NLO Publ., 1995. 480 p. (In Russian)
- 4 Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Records and Extracts]. Moscow, NLO Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
- 5 Ginzburg L. Ia. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [Notebooks. Memories. Essay]. St. Petersburg, Iskusstvo — SPB Publ., 2002. 768 p.

- 6 Gippius Z. N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2002. Vol. 6: Zhivye litsa: Vospominaniia. Stikhotvoreniia [Living Faces: Memories. Poems]. 704 p. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2003. Vol. 7: My i oni. Literaturnyi dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg. [Us and them. Literary Diary. Publicism, 1899–1916]. 528 p. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2003. Vol. 8: Dnevnik: 1893–1919 [Diaries: 1893–1919]. 576 p. (In Russian)
- 7 Dudakov S. Iu. *Paradoksy i prichudy filosemitizma i antisemitizma v Rossii* [Paradoxes and Quirks of Philosemitism and Anti-Semitism in Russia]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 542 p. (In Russian)
- 8 *Kornei Ivanovich Chukovskii. Biobibliograficheskii ukazatel'* [Kornei Ivanovich Chukovsky. Biobibliographic Index], comp. D. A. Berman. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 1999. 468 p. (In Russian)
- 9 Kurganov E. Ia. *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [Anecdote as a Genre of Russian Literature]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2014. 264 p. (In Russian)
- 10 Lutsevich L. Simvoly i mify memuaristiki: Moi lunnyi drug Zinaidy Gippius [Symbols and Myths of Memoiristics: My moon friend by Zinaida Gippius]. *Studia Roccica Posnaniensia*, 2012, vol. XXXVII, pp. 151–162. (In Russian)
- 11 Mints Z. G. Blok v polemike s Merezhkovskimi [Blok in polemics with the Merezhkovskys]. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Blokovskii sbornik IV* [Scientific Notes of the University of Tartu. Blok Collection IV]. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta Publ., 1981, pp. 116–222. (In Russian)
- 12 Fedotova S. V. “Liubopytnyi mali”: pis'ma Z. N. Gippius i D. S. Merezhkovskogo k K. I. Chukovskomu (1907–1920) [“A Curious fellow”: Letters of Z. N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K. I. Chukovsky (1907–1920)]. *Literaturnyi fakt*, 2021, no 2 (20), pp. 31–81. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81> (In Russian)
- 13 Kholikov A. A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii Dmitriia Merezhkovskogo: Tekstologiya, istoriya literatury, poetika* [Lifetime Complete Collected Works of Dmitry Merezhkovsky: Textology, History of Literature, poetics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014. 344 p. (In Russian)
- 14 Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1969. Vol. 6. 768 p. (In Russian)
- 15 Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. 2nd ed., electronic and rev. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd. Publ., 2012. Vol. 4: Zhivoi kak zhizn': O russkom iazyke; O Chekhove; Il'ia Repin; Prilozhenie [Alive as life: About Russian Language; About Chekhov; Ilya Repin; Annex], comp. and comm. E. Chukovskaia. 592 p. Vol. 6: Literaturnaia kritika (1901–1907) [Literary Criticism (1901–1907)], introd. and comm. by E. Ivanova. 624 p. Vol. 7: Literaturnaia kritika (1908–1915) [Literary Criticism (1908–1915)], introd. and comm. by E. Ivanova. 736 p. Vol. 11: Dnevnik 1901–1921 [Diary 1901–1921], introd. by V. Kaverina; comm. by E. Chukovskaia. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd publ., 2013. 664 p. Vol. 13: Dnevnik (1936–1969) [Diary (1936–1969)], comm. by E. Chukovskaia. 640 p. Vol. 14: Pis'ma (1903–1925) [Letters (1903–1925)], introd. article by E. Ivanova; comp. by E. Ivanova, L. Spiridonova, E. Chukovskaia; ex. ed., preparation of texts and comm. E. Ivanovoi and E. Chukovskoi. 688 p. (In Russian)